

МОИ СНОШЕНІЯ СЪ Я. И. РОСТОВЦЕВЫМЪ.

1850—1858.

Въ 1850-мъ году, при упраздненіи Александринскаго сиротскаго института (въ Москвѣ), гдѣ я состоялъ на службѣ преподавателемъ русскаго языка и словесности, я вышелъ въ отставку съ половиною пенсіей, около семисотъ рублей. Освободясь отъ официальныхъ занятій, я давалъ уроки въ пансіонахъ и частныхъ домахъ, а также по найму въ Воспитательномъ домѣ, куда изъ сказаннаго института переведены были воспитанники высшихъ его классовъ для окончанія спеціальнаго ихъ образованія. Дополненіемъ къ получаемому гонорару за уроки служили доходъ съ хрестоматіи, вышедшей первымъ изданіемъ въ 1842-мъ году, и сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ». Я почиталъ себя достаточно обеспеченнымъ и счастливымъ. Жить въ то время было дешево, а занятія мои—уроки, новыя изданія хрестоматіи и работа для журнала—приходились мнѣ по душѣ, какъ не навязанныя необходимостью, противъ желанія, а свободно мною выбранныя. Среди такого добровольнаго труда—наилучшаго изъ всѣхъ трудовъ—въ октябрѣ 1850 года получилъ я изъ Петербурга, отъ К. Д. Кавелина, начальника учебнаго отдѣленія въ штабѣ военно-учебныхъ заведеній, слѣдующее письмо:

«На основаніи «Наставленія для преподаванія въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, одобреннаго государемъ 24-го декабря 1848 года», программы и конспекты почти всѣхъ предметовъ, которымъ обучаютъ въ корпусахъ, были измѣнены или совершенно передѣланы, и уже введены въ преподаваніе, но программа русскаго языка и словесности осталась старая, ибо всѣ составленныя вновь оказались неудовлетворительными.

«Такъ продолжается около двухъ лѣтъ. Начальникъ штаба ¹⁾ до сихъ поръ не можетъ найти человѣка, который бы умѣлъ усвоить, оцѣнить и привести въ исполненіе его мысль, въ сущности чрезвычайно простую и вѣрную. Ему хочется освободить преподаваніе русскаго языка и словесности отъ напыщенныхъ фразъ, схоластики и школьнаго педантизма, приспособить какъ можно ближе къ возрасту и понятіямъ дѣтей, чего наши рутинисты никакъ понять не могутъ, какъ ясно имъ ни толкуютъ. Вотъ главная причина, почему предметъ такой важности, какъ русскій языкъ, въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ все еще преподается по программѣ 1845 года, недостаточность которой давно доказана опытомъ.

«Дѣло это сильно озабочиваетъ начальника штаба и, какъ мнѣ хорошо извѣстно, самого Наслѣдника ²⁾. Зная, какою вы опытный педагогъ, я не могъ не подумать о васъ, слушая частыя сѣтованія на неуспѣшность работъ по составленію программъ русскаго языка. Вы не охотникъ до схоластическихъ подмостковъ, до всего натянутого, неестественнаго. Уже одно это убѣждаетъ меня, что вы совершенно поймете задачу и распутаете, наконецъ гордиевъ узелъ. Какъ было бы хорошо, если бы вы взяли за это дѣло! Восемь тысячъ мальчиковъ избавились бы отъ египетской работы при изученіи своего природнаго языка и сотни учителей получили бы руководство къ здравому смыслу въ дѣлѣ преподаванія».

Чтобы дать мнѣ полную возможность судить, что и какъ нужно сдѣлать, вмѣстѣ съ письмомъ были присланы экземпляръ «Наставленія 1848 года», программа 1845 года и программа, составленная особою комиссіей, но не утвержденная начальствомъ военно-учебныхъ заведеній.

Просмотрѣвъ эти матеріалы, подумавъ и посоветовавшись съ тѣми, кто могъ дать умный совѣтъ, я принялъ предложеніе. Оно мнѣ льстило во многихъ отношеніяхъ. На первомъ мѣстѣ ставлю личность человѣка, отъ котораго шло предложеніе, — личность крайне симпатичную, всѣми, кто ее знаетъ, многоуважаемую и много-

¹⁾ Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

²⁾ Нынѣ благополучно царствующаго Государя, бывшаго въ то время Главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній.

любимую. Кому изъ образованныхъ русскихъ неизвѣстна общественная дѣятельность К. Д. Кавелина, вполне чистая и благонамѣренная, всегда вытекавшая изъ добрыхъ началъ и патристическихъ побужденій? Его имя, на ряду съ передовыми, лучшими людьми сороковыхъ годовъ, останется въ исторіи нашего просвѣщенія. Я имѣлъ счастье—да, именно счастье, въ прямомъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова—познакомиться съ нимъ, когда онъ, въ званіи адъюкта по юридическому факультету, преподавалъ студентамъ Московскаго университета сначала исторію русскаго законодательства, а потомъ русскія государственныя и губернскія учрежденія. Знакомство наше скоро перешло во взаимно-дружеское расположеніе, искреннюю пріязнь. Да позволено же будетъ мнѣ гордиться связью, основанною на чувствѣ уваженія и любви, и потому навсегда застрахованною отъ разрыва. Другимъ побужденіемъ въ согласію принять предлагаемую работу служила личность начальника штаба военно-учебныхъ заведеній. Я не былъ знакомъ съ нимъ, но я зналъ его любовь къ словесности, его связи съ литераторами двадцатыхъ годовъ, его умѣнье владѣть перомъ ¹⁾. Сверхъ того, онъ несомнѣнно принадлежалъ въ числу даровитыхъ и умныхъ людей, а съ человекомъ такого сорта—въ добавокъ любившимъ литературу, хотя бы и по старой памяти—во всякомъ случаѣ интересно имѣть дѣло. Самое дѣло подходило къ роду моихъ занятій. К. Д. Кавелинъ не думалъ сказать комплимента, назвавъ меня опытнымъ педагогомъ. Въ теченіе многолѣтней преподавательской практики, я приглядѣлся къ учащимся разныхъ возрастовъ и могъ по достоинству оцѣнивать значеніе разныхъ методовъ, способовъ и пріемовъ при обученіи русскому языку и словесности. Въ силу какихъ же резоновъ отвѣчалъ бы я отказомъ на предложеніе—помочь моимъ знаніемъ и опытомъ болѣе успѣшному преподаванію дорогихъ для меня предметовъ?

Не скрою, однакожь, обстоятельствъ, которыя при изъявленномъ согласіи могли затруднить мою работу. Главная трудность лежала въ «Наставленіи для образованія военно-учебныхъ заведеній», какъ руководствѣ составителямъ программъ. Написанное

¹⁾ Въ журналахъ двадцатыхъ годовъ появлялись стихотворенія Я. И. Ростовцева. Кромѣ того, напечатана цѣлая его трагедія «Персей» (1823). А. Г.

самимъ начальникомъ штаба въ 1848 году, оно замѣтно отразило на себѣ вліяніе внѣшнихъ политическихъ событій на понятія и взгляды правительственныхъ лицъ, особенно тѣхъ, что завѣдывали образованіемъ юношества. Эти понятія, будучи перенесены въ область педагогики, не имѣвшей съ ними ничего общаго, могли потребовать такого изложенія науки, которое очутилось бы въ явномъ противорѣчій съ дѣйствительными ея фактами, съ истинною ея сущностью. Въ такомъ случаѣ никто изъ порядочныхъ людей не рѣшился бы служить проводникомъ ложныхъ идей, извращать науку ради призрачныхъ опасностей. Постановка «исторіи» въ «Наставленіи» преимущественно страдала присканными воззрѣніями какъ на содержаніе этого учебнаго предмета, такъ на цѣль и направленіе его преподаванія. Т. Н. Грановскій открыто говорилъ, что по такой инструкціи нѣтъ возможности ни проходить исторію, ни писать для нея руководства. Ученіе отрицало бы современное значеніе и достоинство историческаго знанія. Къ счастью, русскій языкъ и словесность поставлены были иначе. Частная инструкція касательно ихъ преподаванія предписывала программѣ и конспекту имѣть въ виду три цѣли: 1) чтобы воспитанники говорили и писали на родномъ языкѣ грамматически правильно; 2) чтобы они знали основательно литературу не только русскую, но и славянскую, и сознательно заимствовали образцы отъ двигателей нашей словесности; 3) чтобы и съ характеромъ знаменитыхъ писателей литературы европейской они знакомились въ классахъ русскаго языка. Такъ какъ сущность этихъ положеній не допускала возраженій, то каждый на моемъ мѣстѣ могъ принять на себя составленіе программы, не боясь ни оскорбить достоинства науки, ни покривить своею совѣстью.

Еще одна мысль удерживала меня отъ рѣшительнаго отвѣта. Мнѣ предлагали написать программу и конспектъ для военно-учебныхъ заведеній, о которыхъ я не имѣлъ вовсе понятія. Но это затрудненіе легко устранялось взглядомъ на преподаваніе такого общеучебнаго предмета, какъ русская грамматика и русская словесность. Наука всегда и вездѣ должна оставаться одною и тою же наукой. Различіе въ ея преподаваніи, по различію учебныхъ заведеній, можетъ относиться только къ ея объему, а не къ существенному ея содержанію. Иначе мы имѣли бы столько

грамматикъ и ариметикъ, сколько въ государствѣ сословіи и званій, что было бы нелѣпо. Сохранить же надлежащую мѣру въ изложеніи науки, опредѣлить требованія соотвѣтственно количеству времени, на нее употребляемому въ теченіе курса,—дѣло не слишкомъ хитрое. Конечно, я могъ ошибиться, но это не бѣда: ошибки въ этомъ отношеніи легко исправимы. Успокоивъ себя вышеизложенными соображеніями, я изъявилъ готовность заняться предложеннымъ мнѣ дѣломъ. Начальникъ штаба, понимая важность и трудность работы, не хотѣлъ назначить ей срока: онъ только выразилъ надежду, что и конспектъ и программы будутъ приведены къ концу такъ скоро, какъ только будетъ мнѣ возможно.

Послѣ такого отзыва, не стѣсняющаго меня срокомъ, я немедленно приступилъ къ работѣ. Я выбралъ слѣдующій, по моему мнѣнію, лучший планъ. Программа, разсуждалъ я, есть не что иное, какъ суммарій конспекта, оглавленіе его. Главная сила въ конспектѣ, который по тому самому необходимо обязанъ принять характеръ критическій, ибо только критика можетъ указать, какъ должно быть измѣнено существующее преподаваніе. При томъ мнѣ сдавалось, что критическія замѣтки будутъ убѣдительнѣе для лицъ, которыя станутъ разсматривать и судить мою работу. Критика моя относилась не къ одному содержанію преподаваемаго, но и къ способу, методу преподаванія,—и преимущественно къ сему послѣднему. Однимъ словомъ, я думалъ сдѣлать лучше, а вышло, какъ увидимъ, хуже—не для самаго дѣла, а для меня лично.

Работа моя, конченная черезъ годъ (въ 1851 г.), очень понравилась Я. И. Ростовцеву. Онъ отзывался о ней въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Для того, чтобы придать ей гласность въ вѣдомствѣ военно-учебныхъ заведеній и ознакомить съ нею поближе преподавателей русскаго языка и словесности, онъ призналъ нужнымъ передать конспектъ и программы на разсмотрѣніе особой комисіи, составленной, подъ предсѣдательствомъ И. П. Шульгина, изъ наставниковъ-наблюдателей и старшихъ учителей русскаго языка и словесности въ петербургскихъ вадетскихъ корпусахъ.

Изъ мнѣній, поданныхъ лицами, разсматривавшими мой трудъ, только одно оказалось вполне одобрительнымъ и сочувственнымъ.

Оно принадлежало И. И. Введенскому, очень даровитому и знающему преподавателю, известному въ литературѣ по своимъ переводамъ Диккенсовыхъ романовъ для «Отечественныхъ Записокъ». Всѣ прочіе взглянули неблагожелательно на предлагаемый мною методъ. А въ отзывѣ одного изъ этихъ недовольныхъ ясно проглядывало сильное раздраженіе, которое нерѣдко выражалось рѣзкими рѣчами. Причину раздраженія я объяснялъ вышеуказаннымъ характеромъ моего конспекта. Критическія замѣтки о недостаткахъ, неправильностяхъ преподаванія русскаго языка и словесности были истолкованы какъ личности, отнесены на счетъ преподавателей въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, чего у меня не было ни въ умѣ, ни въ разумѣ. Какимъ образомъ могъ я говорить о предметѣ, совершенно мнѣ неизвѣстномъ? Я никогда не училъ въ корпусахъ, не зналъ ни одного изъ корпусныхъ преподавателей, никогда не присутствовалъ на ихъ урокахъ. Я указывалъ недостатки, которые замѣчалъ во время моей практики и которымъ самъ, при началѣ моей педагогической карьеры, платилъ большую или меньшую дань.

Чтобы уладить дѣло, возмущенное противорѣчивыми о немъ мнѣніями, необходимо было отдать его на просмотръ третьяго лица, которое могло бы съ полнымъ безпристрастіемъ, единственно въ интересахъ науки и педагогическихъ требованій, произнести окончательный приговоръ. Указаніе такого лица предоставлялось мнѣ. Я выбралъ профессора Московскаго университета, Ѳ. И. Буслаева—человѣка авторитетнаго. Общими силами мы занялись отдѣлкой моей работы. Ѳедоръ Ивановичъ трудился преимущественно надъ программой грамматики и, кромѣ того, въ программѣ исторіи русскаго языка и слога, составилъ отдѣлъ исторіи языка и слога. Мнѣ же преимущественно принадлежали программы теоріи словесности (прозы и поэзіи) и исторіи русскаго языка и словесности (прозы и поэзіи) и исторіи русскаго языка и словесности. Исправленная такимъ образомъ, программа русскаго языка и словесности была утверждена 25-го іюня 1852 г. главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, въ видѣ опыта, на пять лѣтъ. Трудъ мой удостоился двойной награды: мнѣ было объявлено высочайшее благоволеніе и пожалована тысяча рублей. Сверхъ того, начальство военно-учебныхъ заведеній поручило обонимъ трудившимся составленіе учебныхъ руководствъ, на основаніи выработанной программы: мнѣ—исторіи русскаго языка и словесности

и христоматіи къ новому ея періоду; Ѡ. Ц. Буслаеву—исторической грамматики русскаго языка и исторической христоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языка. Составленіе же учебника по теоріи словесности, взятое на себя также г. Буслаевымъ, было потомъ передано, съ разрѣшенія начальства, И. И. Введенскому; но трудъ, начатый послѣднимъ, былъ прерванъ его преждевременною смертію.

Лично благодарить Якова Ивановича за вниманіе къ моему труду пришлось мнѣ въ пріѣздъ его въ Москву, лѣтомъ 1852 г. Я былъ принятъ имъ очень благосклонно. Въ разговорѣ онъ выказалъ живой интересъ къ образованію вѣрннаго ему юношества, къ надлежащей постановкѣ учебнаго дѣла въ корпусахъ. Въ особенности останавливался онъ на мнѣніяхъ преподавателей о программѣ, желая знать, какъ я смотрю на сдѣланныя мнѣ возраженія и замѣчанія. Должно быть, недобрый геній внушилъ мнѣ таковой отвѣтъ: «большая часть спорныхъ пунктовъ происходитъ, какъ мнѣ кажется, отъ недоразумѣній; случись мнѣ быть въ Петербургѣ и лично переговорить съ каждымъ изъ лицъ, подавшихъ мнѣніе, мы—я въ томъ увѣренъ—легко разрѣшили бы несогласія и сошлись бы во всемъ существенномъ». При этихъ словахъ Яковъ Ивановичъ задумался: видно было, что въ головѣ его зародилась какая-то мысль. Дѣйствительно, въ ноябрѣ того же 1852 г. получилъ я офиціальное письмо, извѣщающее меня, что «Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу благоугодно, чтобы я прибылъ въ Петербургъ для словеснаго сообщенія съ преподавателями русскаго языка и словесности с.-петербургскихъ военно-учебныхъ заведеній». Это извѣстіе озадачило меня неожиданностью. Москвичу-домосѣду, устроившему свою жизнь покойно и боявшемуся какихъ бы то ни было нарушеній обычнаго, приходившагося по сердцу, теченія времени, жутко было идти на генеральную баталію съ незнакомыми лицами, петербуржцами, о которыхъ сложилось мнѣніе, что они или свысока или восо смотрятъ на москвичей. Мнѣ хотѣлось бы отправиться съ Ѡ. И. Буслаевымъ, раздѣлявшимъ мой трудъ, такъ какъ ратовать вдвоемъ все-же легче, чѣмъ одному, но онъ не могъ оставить своихъ занятій. Желая замѣстить его другимъ лицомъ, я обратился за помощью къ И. И. Введенскому, который, съ свойственными ему искренностью и честнымъ увлеченіемъ,

охотно согласился исполнить мою просьбу. Вотъ отрывокъ изъ его письма ко мнѣ по этому поводу: «Вы слишномъ скромны, когда говорите, что новыми программами вводится только болѣе правильное направленіе и болѣе правильный методъ преподаванія словесности и языка. Нѣтъ, новыя программы представляютъ совершенную реформу въ нашей наукѣ, совершеннѣйшее отрицаніе прежнихъ схоластическихъ приемовъ, и въ этомъ заключается единственная причина, почему онѣ встрѣчены съ такимъ дружнымъ и единодушнымъ ожесточеніемъ. Радуюсь и считаю себя счастливымъ, что значительная часть этого ожесточенія начинаетъ теперь падать и на меня со стороны моихъ собратьевъ по ремеслу... Съ величайшимъ удовольствіемъ готовъ раздѣлить вашу участь на предстоящихъ диспутахъ и душевно благодарю васъ за роль, какую вы назначаете мнѣ въ качествѣ вашего товарища. Федору Ивановичу, нѣтъ сомнѣнія, эта роль была бы гораздо приличнѣе, но если ужъ нельзя ему быть въ Петербургѣ, я готовъ, замѣняя его, употребить всѣ зависящія отъ меня средства, чтобы отстоять правое дѣло».

Письмо это нѣсколько ободрило меня. Но все-же естественно было мнѣ чувствовать тревогу и смущеніе, когда, по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ назначенный для перваго диспута день, явился я, вмѣстѣ съ К. Д. Кавелинымъ, въ огромную залу Перваго кадетскаго корпуса (гдѣ теперь Первое Павловское военное училище) и вступилъ на кафедру. Половина этой залы была занята разнородною публикой. Въ первыхъ рядахъ сидѣли, кромѣ начальника штаба, директоры и инспекторы петербургскихъ корпусовъ—люди чиновные, увѣсистые; за ними помѣстились преподаватели военно-учебныхъ заведеній и сторонніе посѣтители, изъ любопытства пріѣхавшіе на педагогическій конгрессъ; далѣе стояли вадеты высшихъ классовъ. И въ этой многочисленной публикѣ я различалъ очень немногихъ знакомыхъ. Еще менѣе было такихъ, которые не желали бы побѣненія москвича, задумавшаго какую-то реформу въ преподаваніи русскаго языка и словесности. Не могли же, въ самомъ дѣлѣ, воспитанники военно-учебныхъ заведеній относиться равнодушно къ неудачѣ ихъ учителей и наставниковъ. Неестественно было и самимъ наставникамъ, по солидарности, свойственной каждой корпораціи, злорадоваться какому-либо изъ ея членовъ. Я могъ рассчитывать

на искреннее сочувствие К. Д. Кавелина, но только на сочувствие, потому что онъ (выражаясь его собственными словами изъ письма отъ 8-го декабря 1850 г.), «не будучи знаткомъ дѣла, не могъ подавать мнѣній, которыя сколько-нибудь вѣсили бы въ глазахъ специалистовъ». Затѣмъ я сильно надѣялся—и не ошибся въ надеждѣ—на заступничество со стороны И. И. Введенскаго, а также на поддержку Г. Е. Благосвѣтлова и В. Θ. Кеневича, преподавателей, смотрѣвшихъ на мою программу одинаково съ Введенскимъ. А между тѣмъ въ другомъ, противоположномъ лагерѣ, какое число готовыхъ оппонировать! Изъ нихъ мнѣ приходилось вѣдаться съ опытными и знающими педагогами, извѣстными, кромѣ того, въ литературѣ своими почтенными трудами.

Чѣмъ же кончились наши дебаты?

Слишкомъ двадцать пять лѣтъ прошло съ того времени, и было бы смѣшно, въ воспоминаніяхъ о прошломъ, помрачать ихъ искренность и портить правду изъ угоды ложному стыду или ложному самолюбію. Поэтому говорю открыто, что я съ самаго начала повелъ состязаніе не надлежащимъ образомъ. Мнѣ слѣдовало бы ограничиться разъясненіемъ того, что составляло существенное отличіе моей программы, именно—болѣе правильнаго направленія и болѣе правильнаго метода въ преподаваніи русскаго языка и словесности. Я долженъ бы былъ отстаивать преимущества рекомендуемаго мною практическаго метода: его рациональность, удобство и полезность, сравнительно съ другимъ, въ которомъ преобладали схоластическій догматизмъ и схоластическая теорія. Но, не довольствуясь этою задачей, я пустился въ толки о самомъ содержаніи науки, такъ какъ въ мнѣніяхъ преподавателей военно-учебныхъ заведеній о конспектѣ и программѣ находились возраженія не только противъ способа преподаванія, но и противъ взгляда моего, на преподаваемое. Эти толки безъ всякой пользы только затянули диспутъ и, конечно, не могли нравиться публикѣ, собравшейся не съ тѣмъ, чтобы слушать прениранія о грамматикѣ, теоріи словесности, исторіи литературы, а съ тѣмъ, чтобы составить себѣ ясное понятіе о предлагаемой реформѣ. Умалчиваю о замѣчаніяхъ со стороны гг. директоровъ и инспекторовъ кадетскихъ корпусовъ: почти всѣ они касались единственно размѣра программы, трудности, даже невозможности исполнить ее при томъ количествѣ часовъ, которое отведено было

въ курсѣ на преподаваніе русскаго языка и словесности. Какъ выше сказано, это неудобство легко устранить сокращеніемъ программы, лишь бы и сокращенная непривосновенно сохраняла за собою свой отличительный характеръ. Короче, пренія, по моему крайнему убѣжденію и чистосердечному признанію, привели къ такому результату: въ состязаніи съ моими оппонентами я не одержалъ побѣды, но программа, мною составленная, взяла верхъ. Это мнѣ и нужно было единственно; съ этою цѣлью я и принялся за работу: никакихъ иныхъ цѣлей и побужденій не имѣлось. Правда, благорасположенные ко мнѣ люди желали видѣть меня на мѣстѣ главнаго наставника-наблюдателя за преподаваніемъ русскаго языка и словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ; но я благодарю судьбу, что ихъ — а не мое — желаніе не исполнилось. На эту должность, по всей справедливости, поставили И. И. Введенскаго, какъ человѣка, давно знакомаго съ порядками и ходомъ военнаго образованія: поставленіе служило ему какъ бы наградой за героизмъ на диспутахъ.

Починъ въ постановкѣ преподаванія русскаго языка и словесности на новыхъ началахъ, безспорно, принадлежитъ Я. И. Ростовцеву. Его усиленныя старанія поднять уровень образованности военнаго сословія, его конкуренція на этомъ пунктѣ съ другими учебными вѣдомствами — останутся навсегда памятною заслугой. Успѣхъ этихъ стараній ласкалъ и питалъ его честолюбіе. Безъ него до сихъ поръ, быть можетъ, не вышли бы въ свѣтъ такіе капитальные ученые труды, какъ «Историческая грамматика русскаго языка» Буслаева, и его же «Христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языка». Не смѣя судить о моей «Исторіи русской словесности» и «Исторической христоматіи въ новому ея періоду», я обязанъ, однакожъ, сказать, что и онѣ своимъ появленіемъ обязаны его содѣйствію. А пожизненная, нерушимая дружба съ К. Д. Кавелинымъ и Ф. И. Буслаевымъ — развѣ это не дорогое, хотя личное мое приобрѣтеніе? «Дружбу сотворилъ Богъ, а литературу состряпали мы, смертные»: такъ отвѣчалъ Пушкинъ на упреки пріятелей за преувеличенныя похвалы стихотвореніямъ друзей своихъ, Дельвига и Баратынскаго.

Съ утвержденіемъ программы и введеніемъ ея въ дѣйствіе, мои сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ не прекратились. Съ удо-

вольствіемъ вспоминаю, что они были неизмѣнно пріятны. Вся тайна въ томъ, что Яковъ Ивановичъ не формально, а по внутреннему побужденію, интересовался успѣхомъ предложенныхъ улучшеній. Онъ умѣлъ цѣнить труды лицъ, увѣренныхъ въ правотѣ своего дѣла, и потому искренно и добросовѣстно ему преданныхъ. Онъ охотно слѣдилъ за ходомъ работъ по составленію учебниковъ, порученныхъ мнѣ и Ѳ. И. Буслаеву, не стѣсня насъ ни срокомъ, ни другими условіями, которыя могли бы стать въ разрѣзъ съ выработаннымъ нами планомъ и тѣмъ повредить научнымъ и учебнымъ требованіямъ. Приѣзжая въ Москву, онъ лично удостовѣрялся, на сколько подвинулся нашъ трудъ, прочитывалъ готовые отдѣлы, охотно бесѣдовалъ о нихъ. Равнымъ образомъ, вызывая насъ въ Петербургъ, выслушивалъ мнѣнія частной комисіи о томъ же предметѣ и наши объясненія по нѣкоторымъ запросамъ. Главнымъ членомъ комисіи былъ Востоковъ, давшій одобрительные отзывы о нашихъ трудахъ, сначала представленныхъ въ рукописи. По исполненіи нами порученій, Яковъ Ивановичъ не желалъ раскланяться съ нами; напротивъ, его намѣреніемъ было сблизиться съ нами, привязать насъ, такъ или иначе, къ военно-учебнымъ заведеніямъ. вмѣстѣ съ нимъ, по его приглашенію, присутствовали мы на экзаменахъ воспитанниковъ корпусовъ, когда ему для этого случалось приѣзжать въ Москву. Ему было очень пріятно, когда я взялъ предложенные мнѣ уроки русской словесности во второмъ спеціальному классѣ Перваго московскаго кадетскаго корпуса. Вскорѣ моему участію въ образованіи молодежи, готовящейся къ военной службѣ, представился болѣе широкій просторъ: Яковъ Ивановичъ просилъ меня слѣдить за преподаваніемъ русскаго языка и словесности во всѣхъ трехъ московскихъ корпусахъ. Я слѣдался, такъ сказать, неофіціальнымъ наставникомъ-наблюдателемъ, безъ всякаго за то вознагражденія. Это еще болѣе насъ сблизило, и слѣдствіемъ такого сближенія было то, что, при открытіи вакантнаго мѣста преподавателя русской словесности въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, оно было предложено мнѣ. Я принялъ предложеніе и въ ноябрѣ 1856 года переселился изъ Москвы въ Петербургъ.

Прибавлю еще одну, послѣднюю замѣтку о составленной мною программѣ. Выше сказалъ я, что она взяла «верхъ». Подъ этими

словами я разумѣю не только то, что программа была введена въ военно-учебныя заведенія, но и то, что она служила образцомъ программъ по тому же предмету въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ. «Программа русскаго языка и словесности для желающихъ поступить въ студенты Московскаго университета» (1864 г.), составленная Ѳ. И. Буслаевымъ, одного направленія съ моею: она также требуетъ отчетливаго знанія языка и непосредственнаго знакомства съ литературными произведеніями. Разница только въ размѣрѣ: уменьшено число образцовъ какъ руссой, такъ и иностранной словесности. Другая программа, принадлежащая комисіи, образованной изъ преподавателей московскихъ гимназій, подъ предсѣдательствомъ Н. С. Тихонравова (въ 1866 г.), еще болѣе сократила отдѣлъ по теоріи и исторіи словесности, устремивъ преимущественно вниманіе на грамматику и стилистику; но основанія остались неизмѣнными. Наконецъ, не тѣ же ли самыя основанія легли и въ программу русскаго языка и словесности 1872 года, при новомъ уставѣ гимназій и прогимназій?

Сношенія съ Я. И. Ростовцевымъ по составленію программы и учебниковъ вовлекли меня въ сношенія съ Н. И. Гречемъ. Если первыя отличались взаимнымъ благорасположеніемъ, то вторыя, напротивъ, представляли взаимную непріязненность. Гречъ былъ приглашенъ на мой диспутъ и присутствовалъ на немъ въ двухъ качествахъ: въ качествѣ авторитета, знатока русскаго языка и «хранителя его чистоты и правильности», какъ не шутя величалъ его Булгаринъ и какъ въ насмѣшку называли его «Отечественныя Записки», и въ качествѣ давнинаго знакомаго и пріятели Якова Ивановича, который въ молодости вращался въ кругу литераторовъ — сотрудниковъ «Сына Отечества». На диспутѣ Гречъ держалъ себя смирно; не вступая со мною въ состязаніе, можетъ быть потому, что считалъ это низкимъ для своей авторитетности, но, конечно, желая мнѣ полнаго пораженія. Нерасположеніе его ко мнѣ началось еще съ тридцатыхъ годовъ, когда я въ «Телескопѣ» дѣлалъ кой-какія замѣтки на его грамматику, усилилось со времени моего сотрудничества въ «Отечественныхъ Запискахъ», не только потому, что мы съ П. Н. Кудрявцевымъ

въ двухъ критическихъ статьяхъ разобрали составленную имъ «Учебную книгу Россійской Словесности», указавъ невѣрность и ничтожность его риторики и цѣтвыи, но и вообще потому, что сотрудникамъ «Отечественныхъ Записокъ» было противно направление литературной дѣятельности и его, и наперсника его Булгарина. Онъ хорошо зналъ это и не могъ питать ко мнѣ добрыхъ чувствъ. Программа моя ставила изученіе русскаго языка не на тотъ путь, по которому вела его «Русская Грамматика» Греча. Мнѣніе мое объ этой книгѣ при каждомъ удобномъ случаѣ выражалось или прибавкой эпитета: «такъ называемая» (такъ называемая Русская Грамматика) или болѣе полною формулой: «это—не грамматика русскаго языка, а грамматика языка Греча».

Играя роль пассивнаго слушателя на диспутѣ, Гречъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ наша программа была введена въ дѣйствіе, именно въ 1856 году, напечаталъ въ 7 № «Морскаго Сборника» небольшую статью: «Замѣтки о преподаваніи русскаго языка и словесности». Статья косвеннымъ образомъ отрицала истинность и пользу преподаванія русскаго языка по новой программѣ. Нельзя было не отражать сдѣланной вылазки. Мы и отразили: Ѳ. И. Буслевъ въ статьѣ: «О преподаваніи русскаго языка и словесности» («Отечественныя Записки» 1856 года, № 12); я—въ трехъ статьяхъ, озаглавленныхъ: «Мнѣніе о статьѣ Греча: Замѣтки о преподаваніи русскаго языка и словесности» («С.-Петербургскія Вѣдомости» 1856 г., №№ 266—268). Цѣлью нашего отвѣта было показать, какъ узка, одностороння и потому ошибочна Русская Грамматика, игнорировавшая и языкъ церковно-славянскій и языкъ народный, и извлекавшая законы и правила только изъ двухъ источниковъ: изъ прозаическихъ сочиненій весьма немногихъ образцовыхъ писателей и изъ собственныхъ, не основанныхъ на знаніи фактовъ, соображеній автора, незнакомаго ни съ сравнительнымъ, ни съ историческимъ языковѣдѣніемъ и не получившаго надлежащаго филологическаго образованія. Доказательства мы почерпали изъ грамматикъ же Греча, выставляя противорѣчія однихъ ея правилъ другимъ правиламъ, или однихъ примѣровъ другимъ примѣрамъ, или правилъ примѣрамъ образцовыхъ сочиненій. Почти одновременно съ появленіемъ нашихъ отвѣтовъ, Гречъ имѣлъ на

плечахъ другую полемику, съ академикомъ И. И. Давыдовымъ, по поводу грамматики послѣдняго. Отъ того-ли, что ему не хотѣлось раздѣлять свои силы на трехъ противниковъ, или въ силу обычая, свойственнаго такъ называемымъ авторитетамъ—не выходить на битву съ рядовыми, какъ не стоящими пороха, и отдѣливаться отъ нихъ извѣстнымъ стихомъ: «презрѣнье — мой отвѣтъ на дерзкія слова», только онъ выслалъ противъ насъ К. А. Полеваго, брата издателя «Московского Телеграфа». Въ трехъ статьяхъ, напечатанныхъ въ «Сѣверной Пчелѣ» за 1857 г. (№№ 23, 49, 50 и 116) и потомъ изданныхъ особю брошюрой: «Споры о грамматикѣ и языкѣ» (1857 г.), г. Полевой старался защитить Греча и выставить наше, т. е. мое и Ѳ. И. Бушлаева, незнаніе ни языка, ни словесности, даже наше неумѣнье писать по русски, и проч. и проч. Ѳеодоръ Ивановичъ, занятый лекціями, пренебрегъ выходками Гречева сторонника, но я, признаюсь, не вытерпѣлъ, и въ апрѣльской книгѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1857 г. тиснулъ «Дополнительныя объясненія г. Гречу». Почему-жъ не Полевому? вѣдь онъ не скрывалъ своего имени? А потому, что въ статьяхъ г. Полеваго я видѣлъ истаго оруженосца Греча, вооруженнаго его доспѣхами и сражавшагося по образу и подобию своего рыцаря: тѣ же узкіе взгляды на грамматику, тѣ же обветшалыя понятія о языкѣ и словесности. Ясными намеками хотѣлось мнѣ дать знать, что спорилъ съ нами собственно не К. Полевой, а самъ Гречъ, что «Споры о языкѣ и словесности» писаны по внушенію, такъ сказать, подъ диктовку послѣдняго. Поэтому я нѣсколько разъ называлъ К. А. Полеваго литераторомъ молодымъ, неопытнымъ, только что выступающимъ на новое для него поприще. Это, разумѣется, была шутка, которая заставила г. Полеваго въ припискѣ (postscriptum) къ третьей статьѣ сказать слѣдующее: «г. Галаховъ знаетъ меня двадцать лѣтъ, бывалъ у меня множество разъ, всегда видѣлъ отъ меня доброжелательство, пользовался моими совѣтами при составленіи своей христоматіи, которая даже была издана моимъ иждивеніемъ¹⁾, и послѣ всего этого неприлично

¹⁾ Первое ея изданіе, 1842 г., напечатанное въ числѣ трехъ заводовъ, по тогдашнему—3,600 экз., изъ коихъ тысяча была отдана мнѣ, а остальное пошло на долю издателя.

ему не узнавать меня и называть неопытнымъ юношею». Слова эти справедливы, но дѣло въ томъ, что К. А. Полевой въ Москвѣ и К. А. Полевой въ Петербургѣ—два разныхъ лица. Въ Москвѣ онъ былъ сотрудникомъ, правою рукой своего брата, передоваго журналиста, знакомившаго насъ съ явленіями умственной и литературной жизни Запада, вмѣстѣ съ братомъ постоянно воевалъ съ Гречемъ и Булгаринымъ, и въ этой войнѣ наносилъ имъ чувствительные удары. Въ то время всѣ мы, молодые люди, окончившіе университетскій курсъ, любили и уважали обоихъ братьевъ, стояли неизмѣнно на ихъ сторонѣ, сердились на ихъ противниковъ за эпиграммы на «Телеграфъ» и на его издателя съ сотрудниками ¹⁾. Въ Петербургѣ же К. Полевой преобразился: сошелся съ Гречемъ, сталъ защитникомъ его мнѣній, отщепенцемъ отъ самого себя, лже-Полевымъ. Толкуйте какъ угодно подобную метаморфозу, а мы могли объяснять ее только пониженіемъ или умственного или нравственного, уровня. «Кто за Греча и Булгарина, тотъ противъ насъ»: вотъ что было нашимъ девизомъ.

Личное состязаніе съ Гречемъ произошло у меня въ Петербургѣ, куда мы съ Ѳ. И. Буслаевымъ вторично были вызваны для представленія отчета о составляемыхъ нами учебныхъ руководствахъ. Я. И. Ростовцевъ, у себя на дому, собралъ небольшую комиссію, въ которую, кромѣ насъ двоихъ и начальника учебнаго отдѣленія (И. А. Бирилева), приглашены были И. П. Шулгинъ, г. Гречъ и Н. Х. Востоковъ. Передъ ея открытіемъ я рѣшился сдѣлать визитъ нашему антагонисту, то есть г. Гречу, такъ какъ ему также были сообщены наши труды на просмотръ, послѣ котораго онъ далъ о нихъ очень неблагоприятное мнѣніе.

Послѣ обычнаго привѣтствія, г. Гречъ шутливо сказалъ о комиссіи: «ну, что-жь? будемъ воевать не на животь, на смерть, какъ герои Иліады—Ахиллесъ и Гекторъ».

¹⁾ Изъ многихъ эпиграммъ на обоихъ Полевыхъ слѣдующая, написанная, если не ошибаюсь, А. И. Писаревымъ, отличается особенно забавною оригинальностью:

Нѣтъ противнѣй до Алтая —
Полеваго Николая;
И скучнѣе нѣтъ до Понта —
Полеваго Ксенофонта.

А. Г.

— Гекторъ, — отвѣчалъ я ему шутя, — слишкомъ высокій для меня образецъ; я желалъ бы лучше быть Парисомъ.

— «То есть, вы желаете убить меня».

— Не васъ, а вашу грамматическую систему.

Впрочемъ, не смотря на готовность къ битвѣ, г. Гречъ въ комисіи выказалъ скромность, можетъ быть, благодаря присутствію вполне законнаго и потому властнаго авторитета, А. Х. Востокова, въ которому мы съ Буслаевымъ единственно и обращались за разрѣшеніемъ спорныхъ пунктовъ. Къ сожалѣнію, первоклассный ученый, основатель славянской филологіи, страдалъ сильнымъ косноязычіемъ. Этотъ природный недостатокъ конфузилъ его, мѣшая свободному изложенію мыслей въ разговорѣ¹⁾.

Открыть кампанію противъ г. Греча слѣдовало бы, конечно, Ѳ. И. Буслаеву, какъ специалисту по языкованію, но онъ предоставилъ это мнѣ. Собравшись съ духомъ, я рѣшился доказать по возможности несостоятельность грамматическихъ основаній «хранителя чистоты русскаго языка». Я началъ съ положенія, высказаннаго имъ и въ статьѣ Морскаго Сборника: «Замѣтки о преподаваніи русскаго языка и словесности», и въ рукописномъ отчетѣ о нашихъ трудахъ, который былъ намъ переданъ съ тою цѣлью, чтобы мы могли съ нимъ повзнакомиться до засѣданія комисіи. Положеніе гласило: «грамматическія правила должны быть извлекаемы изъ сочиненій образцовыхъ писателей и изъ логическихъ соображеній, или умозрѣній автора грамматики». Прочитавъ эти строки въ комисіи, я обратился къ г. Гречу съ вопросомъ: «Если правила, извлеченныя такимъ способомъ, въ разныхъ грамматикахъ окажутся различными, даже противорѣчивыми, кто будетъ рѣшать, какія изъ нихъ истинны, и какія ложны?»

¹⁾ Ода «Къ Гарпократу» (богу молчанія) служитъ исповѣдью Востокова. Она начинается такими словами:

«Священный богъ молчанья,
Которому, увы! невольно я служу», и проч.

Въ связи съ этою одою состоитъ другая пѣса: «Откровеніе Музы». М. Стихотворенія А. Востокова, 1821). А. Г.

— Конечно, академія наукъ,—отвѣчалъ Гречъ.

— Академія?.. но она не папа, признаваемый католическимъ міромъ за непогрѣшимаго въ своихъ приговорахъ. Академія при рѣшеніи вопросовъ должна будетъ на чемъ нибудь основываться: какія же это основанія?

Мнѣ хотѣлось сдѣланными вопросами привести противника къ сознанию, что примѣры, взятые у однихъ образцовыхъ писателей, могутъ противорѣчить примѣрамъ, заимствованнымъ у другихъ писателей, столь же образцовыхъ; что логическія соображенія, которыя г. Гречъ почему-то называлъ умозрѣніями, тогда только имѣютъ силу, когда опираются на знакомство съ фактами языка; что для автора русской грамматики необходимо изученіе исторіи русскаго языка, а также изученіе русскаго языка народнаго, которымъ пренебрегали наши литераторы одной школы съ Гречемъ и называли его площаднымъ. Такъ какъ Гречъ не отвѣчалъ на мой послѣдній вопросъ, то я приступилъ къ подтвержденію моей мысли примѣрами изъ его же собственной грамматики. Выборъ примѣровъ не представлялъ трудности: въ періодъ моихъ учительскихъ занятій я вдоль и поперекъ ознакомился съ этимъ общепринятымъ тогда учебникомъ и видѣлъ всѣ его прорѣхи, т. е. противорѣчія однихъ правилъ и примѣровъ другимъ правиламъ и примѣрамъ. Я. И. Ростовцеву очень понравились мои возраженія. Послѣ cadaго изъ нихъ онъ говорилъ мнѣ: «еще что-нибудь, пожалуйста». Дѣло заключилось комическимъ образомъ. Слово желая утѣшить Греча, Я. И. Ростовцевъ обратился къ нему съ слѣдующими словами: «Не смотря на все это, любезнѣйшій Николай Ивановичъ, я увѣренъ, что грамматика ваша просуществуетъ еще лѣтъ десять». Тутъ Гречъ разгорячился: «да что вы, ваше превосходительство, все толкуете о моей книгѣ? Я вовсе не дорожу ею: пусть она хоть сквозь землю провалится». Я. И. Ростовцевъ засмѣялся: «ну, полно, не сердитесь, я ошибся: ваша книга проживетъ еще не десять, а двадцать лѣтъ».

Возраженія мои Гречу служили самою легкою отплатой за послѣднія строки его отчета о трудахъ моихъ и Ѳ. И. Буслаева. Онъ указывалъ, натравливалъ на меня, какъ на сотрудника «такъ называемыхъ Отечественныхъ Записокъ» (его собственное выра-

женіе), будто бы возбуждавшихъ въ читателяхъ пристрастіе къ иноземцамъ и нелюбовь къ отечеству; онъ называлъ меня послѣдователемъ Огюста Конта и Литре, проповѣдниковъ гибельнаго ученія, потому только, что въ объявленіи о подпискѣ на «Отечественныя Записки» 1848 года, на ряду съ статьями, обѣщанными редакціи, значилось и мое «Изложеніе позитивной философіи (по Литре)», которое, впрочемъ, не явилось въ печати; въ заключеніе же давалось знать, что люди, подобные мнѣ, могутъ быть не образователями, а развратителями юношества. Вотъ какіе камни бросалъ онъ въ огородъ мой! вотъ какимъ оружіемъ умѣлъ онъ дѣйствовать купно съ Булгаринимъ!

Что я не помнилъ зла, а умѣлъ видѣть и хорошее въ грамматической и литературной дѣятельности Греча—доказательствомъ служить его некрологъ, написанный мною для февральской книжки «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» на 1867 годъ.

А. Галаховъ.